

ЭБИГЕЙЛ ДЖОНСОН

Каждый
второй
уик-энд

Москва
2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Д42

Abigail Johnson

EVERY OTHER WEEKEND

© 2020 by Abigail Johnson

All rights reserved including the right of reproduction in whole,
or in part in any form.

This edition is published by arrangement with Harlequin Books S.A.
This is a work of fiction. Names, characters, places and incidents are either
the product of the author's imagination, or are used fictitiously,
and any resemblance
to actual persons, living or dead, business establishments, events, or
locales are entirely coincidental.

Перевод с английского *Ирины Литвиновой*
Художественное оформление *Юлии Девятовой*

Джонсон, Эбигейл.

Д42 Каждый второй уик-энд / Эбигейл Джонсон ; [перевод с англий-
ского И. Литвиновой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 512 с.

ISBN 978-5-04-111982-9

Впервые они увидели друг друга на соседних балконах дома, в который
должны были приходить каждый второй уик-энд.

После смерти старшего брата шестнадцатилетний Адам замкнулся в
себе, а его родители разъехались. Теперь он во всем винит отца, но вынуж-
ден навещать его два раза в месяц.

Джолин мечтает стать режиссером и снимать фильмы. Но она поняла,
что этой мечте не суждено исполниться, когда ее отец ушел из семьи.

Жизнь не всегда похожа на кино со счастливым финалом. Но каждый
второй уик-энд, который Адам и Джолин проводят вместе, дает им надежду
на лучшее.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-111982-9

© Литвинова И., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Посвящается Грейди

Первого августа раньше
мне вспоминался день,
когда я сломала шею.

Спустя годы первое августа стал
днем твоего рождения.

И теперь благодаря тебе
я отмечаю первого августа
годовщину лучшего, что случилось
со мной в жизни.

ПЕРВЫЙ УИК-ЭНД

25—27 сентября

АДАМ

Голуби на парковке взмыли ввысь в лучах заходящего солнца, когда мы подъехали к многоквартирному дому отца. Я даже позавидовал этим маленьким летающим разносчикам заразы, способным вмиг исчезнуть. Но они вернулись на насиженное место, едва Джереми заглушил двигатель. А мы с братом в этот момент, словно по команде, подались вперед, чтобы через лобовое стекло впервые окинуть взглядом жилой комплекс Оук-Вилладж — он же новый дом отца и место, где отныне мы вынуждены проводить каждый второй уик-энд, пока нам не исполнится восемнадцать.

Джереми не стал бы говорить «вынуждены», но я именно так видел ситуацию.

— Ха! — усмехнулся Джереми, и его светлые брови приняли обычное положение, в то время как мои, рыжевато-коричневые, наоборот, сошлись. — Я думал, будет хуже.

Мамина зарплата учительницы музыки и отцовская разнорабочего могли бы позволить нам годами неспешно восстанавливать наш старый дом в деревне, но тогда у отца оставались бы сущие крохи на

жизнь, после того как в прошлом месяце он решил от нас съехать.

Построенный чуть больше века назад, шестиэтажный многоквартирный дом выглядел так, будто дни его сочтены. На стенах темнели пятна воды от кондиционеров, несколько окон были заколочены искривившимися старыми досками. А описать зеленую краску на дверной коробке как облупившуюся язык не поворачивался — это все равно что называть торнадо ветерком.

Можно было представить, насколько «уютно» внутри. Неудивительно, что хозяин, папин друг из другого штата, охотно сдал в аренду пустующую квартиру в обмен на то, что отец приведет ее в порядок.

Я медленно повернулся к брату.

— Думаю, то, что надо для него.

Джереми выдернул ключ из замка зажигания и толкнул дверь.

— Мы тут всего на две ночи, Адам. Так что не болтай лишнего.

Обычно я не давал брату спуска, даже в мелочах, но после получасовой поездки из сельской Пенсильвании, которая была моим домом всю жизнь, в перенаселенный и тесноватый пригород Филадельфии чувствовал себя слишком подавленным, чтобы спорить. Выйдя из машины, я едва успел вытащить свой рюкзак из багажника, прежде чем Джереми захлопнул крышку. Его битком набитая дорожная сумка по объему раз в пять превосходила мой рюкзак. Это наглядно демонстрировало отношение каждого из нас к тому, что наши родители разошлись.

Всю прелесть нового жилища — пусть и временно — я ощутил, когда мы подошли к стеклянной парадной двери. В ее углу расплзалась трещинка, похожая на паутинку, а бордовый ковер в холле казался полоса-

тым от протоптанных дорожек. По стене справа тянулись маленькие металлические почтовые ящики, а левую стену покрывала неокрашенная штукатурка. Мама и пяти минут не продержалась бы, чтобы не заглянуть под ковер и не проверить качество деревянного пола. Еще десять минут — и она бы уже ковырнула штукатурку, надеясь обнаружить кирпичную кладку. Папа стоял бы рядом и ухмылялся.

Ему и следовало стоять рядом, только не здесь, а там — дома. С мамой.

Два с половиной года. Джереми, казалось, не понимал серьезности ситуации. С другой стороны, в свои семнадцать он, возможно, оценивал это иначе: ему нужно продержаться всего лишь год. И Джереми не рассматривал эти уик-энды как повинность. Он с нетерпением ждал встречи с отцом. Тогда как я предпочел бы в эти дни ночевать где-нибудь в переулке.

Я прошел мимо Джереми к лифту, но после того, как целую минуту пытался нажать кнопку, решил подняться по лестнице.

— Ты прав, Джереми. Это место намного лучше, чем наш сухой, чистый, неубитый дом, где мама осталась одна.

Мой рюкзак оказался не таким увесистым, как сумка Джереми, — в отличие от брата, я захватил с собой только самое необходимое на ближайшие сорок восемь часов обязательки. Так что лишь неохота гирями висела на ногах, пока я преодолевал лестничные пролеты. Мы остановились на шестом этаже и оглядели на удивление широкий коридор, куда выходило по три двери с каждой стороны. Одна из лампочек судорожно мигала, что усиливало мое отвращение к этому месту и необходимости здесь находиться.

— Которая? — спросил Джереми.

— Разве это имеет значение?

Джереми заглянул в свой телефон, затем указал на среднюю дверь справа, 6-3. Когда я подошел к нему, он уже стучал в квартиру. Каждый удар костяшек его пальцев заставлял меня вздрагивать. Я не видел отца уже три недели, с тех пор как он приходил забрать оставшиеся вещи. Он попытался обнять меня на прощание, но я отстранился. Он сделал свой выбор, когда ушел от нас, и я не хотел облегчать ему жизнь.

— Похоже, его нет дома. — Джереми нахмурился, глядя на дверь.

— Отлично. Тогда пойдем отсюда.

Джереми еще больше нахмурился, не сводя глаз с двери.

— Я не останусь, раз его нет. Я позвоню маме, чтобы она забрала меня.

Джереми резко повернул ко мне голову и свирепо зыркнул.

— Меня уже тошнит...

Открылась дверь квартиры 6-5, и оттуда вышла симпатичная кореянка в небесно-голубых шароварах для йоги и спортивном бюстгальтере в тон.

— О, привет! Вы, должно быть, Джерри и Адам!

Обнаженный живот кореянки лишил моего брата дара речи. А я был слишком взбешен происходящим, чтобы обращать внимание на такие глупости.

— Да, но мы как раз собирались уходить. — Я схватил Джереми за руку.

— Пол попросил меня присмотреть за вами. Ему нужно было отлучиться по каким-то делам, но он рассчитывал вернуться к вашему приезду. — Она оглядела пустынный коридор. — В любом случае заходите к нам. — Она повернулась и крикнула кому-то в своей квартире: — Джо, познакомься с новыми соседями.

Ни Джереми, ни я не двинулись с места.

— Упс. Забыла представиться. Меня зовут Шелли, я живу здесь с бойфрендом, Робертом. Это так здорово, что на этаже появятся новые лица. — Она рассмеялась и уперлась бедром в дверной косяк, так что я невольно обратил на нее внимание, несмотря на мерзкое настроение. — Вон те пустуют. — Она указала на две квартиры напротив нашей. — А по другую сторону от вас, в 6-1, живут Шпигели с новорожденным ребенком, но не волнуйтесь, малыш не плаксивый. В 6-2 живет парень, но он не часто здесь бывает, и, честно говоря, у меня от него мурашки по коже. Ужас, да? Этот дом будто притягивает подозрительных личностей. — Она скорчила гримасу. — Я знаю, ваш отец собирается делать ремонт, но пока здесь что-то вроде помойки.

Она подняла руку, словно заслоняя глаза от мерцающей лампочки.

— Мы бы не оказались в этой дыре, если бы бывшая жена Роберта, та еще сука, не забрала все при разводе — в смысле *все*. Дом, машины, его спортивные трофеи. — Она принялась загибать пальцы. — Вы не поверите, через что ему пришлось пройти, чтобы добиться разрешения забирать к себе Джо на выходные два раза в месяц. — Шелли покачала головой. — Так что сегодня мы имеем то, что имеем. Впрочем, внутри все выглядит симпатичнее, милости просим. Кажется, у нас еще осталась пицца.

Она нырнула в глубь квартиры, и мне показалось, что Джереми вот-вот упадет в обморок от вида ее пятой точки.

— Джо, ты съела всю пиццу? Джолин? — Вернувшись к двери, она закатила глаза и улыбнулась: — Эта девчонка — сущий кошмар, и я определенно не вхожу в число ее любимчиков.

Я опешил от того количества информации, что вывалил на нас, в сущности, совершенно незнакомый человек.

— Может, не стоит называть ее мать «той еще сухой»?

— Я знаю, но... — Шелли пожала плечами. — *Точнее* не скажешь, — выразительно подчеркнула она и снова рассмеялась. — Вы знаете, она усыпила их собаку, пока Роберта не было в городе. Я имею в виду, кто так делает? — Она подалась вперед. — Между нами, она еще и алкоголичка.

Джереми, похоже, не столько слушал, сколько наблюдал за тем, как вздымалась и опускалась грудь Шелли, когда она делала глубокий вдох — а вздыхала она постоянно.

Я наклонился к брату, пока Шелли продолжала делиться подробностями.

— Ты ведь понимаешь, что ей, вероятно, интересно, какого размера подгузники ты носишь.

Джереми отреагировал предсказуемо, с силой отшвырнув меня к противоположной стене. Его ноздри раздувались от гнева.

— Меня уже тошнит от твоего дерьма.

— Неужели? — я с улыбкой оторвался от стены. — Я вроде как...

Шелли затихла на время нашей потасовки, но снова затараторила, как только увидела нашего отца, поднимающегося по лестнице.

— А вот и Пол. — В ее голосе прозвучало облегчение, как будто она ожидала, что мы с братом вытянемся по струнке, встречая отца. Когда-то так оно и было.

Папины руки были заняты сумками. Джереми кинулся ему помочь; я даже не пошевелился.

— Спасибо, Джер. — Потом отец пристально посмотрел на меня. Казалось, с тех пор как мы виделись последний раз, он постарел лет на десять: бородака торчала ключьями, в светло-каштановых волосах проступало больше соли, чем перца, а обычно загорелое лицо вы-

глядело бледнее. Но он улыбался, и от этого мне захотелось выбить ему зубы. — Привет, дружище.

— Не переживай! — крикнула Шелли, снова привлекая к себе внимание. — Они только что приехали. Мы как раз успели познакомиться. Пол, ты мне не говорил, какие симпатичные у тебя сыновья. Джереми — вылитый ты, и у Адама очень милая улыбка. — Она приветливо усмехнулась, но я так и не улыбнулся. Папа поблагодарил ее и повел нас в свою квартиру.

Тогда-то мне и открылась первая ложь Шелли: внутри оказалось *ничем* не лучше. Две крошечные спальни, маленькая кухня-столовая и гостиная чуть больше прихожей: в ней едва помещались диван и телевизор.

— Что ж... — папа хлопнул в ладоши, — ...кому нужна экскурсия? — Мы с Джереми молчали. — Полагаю, мне следовало бы приберечь шутки на вечер после ужина, а? У меня много планов, и я надеюсь, что вы, ребята, поможете мне осуществить некоторые. У этого здания крепкий каркас, сами увидите.

— Да, — сказал Джереми. — Поможем. — Он попытался поймать мой взгляд, но я отвернулся.

Папа указал на закрытые двери комнат справа:

— Я отдаю вам спальни, ребята. В одной есть балкон, зато другая немного просторнее.

— Адам — младший, так что может расположиться на диване.

— Зато ты практически хоббит, — парировал я. — Как будто я помещусь на этом диване. — Джереми был старше меня почти на два года, но уже давно стало ясно, что я самый высокий в семье. За последний год я подрос на пять сантиметров. Джереми был метр восемьдесят в ботинках, а я — почти метр девяносто босиком. Джереми покраснел от злости, и я, насладившись зрелищем, направился в спальню с балконом.

— Ладно. Адам, у меня есть подушка для шезлонга, но балкон, наверное, проржавел, так что будь осторожен. — Отец полез в один из пакетов. — Дама в магазине сказала, что подушку можно оставлять на улице даже в снег — и, похоже, в этом году он выпадет рано.

Я закрыл за собой дверь, и голос отца затих. Стены были тонкими как бумага, так что несколько натянутый разговор папы и Джереми погнал меня на балкон. Он подрагивал, но все-таки казался достаточно прочным. Какой вид открывался... Короче, на стену соседнего здания.

А дома окно моей комнаты выходило в яблоневый сад.

Я достал телефон и нажал кнопку повторного набора. Мама ответила после первого же гудка:

— Адам, милый?

— Привет, мам.

— О, неужели все так плохо? — Она догадалась по моему скупому приветствию.

— Нет, пока я дышу ртом — все отлично.

— Всего два дня — и ты будешь дома. Зато в эти дни можешь делать все, что угодно. И потом, Джереми с тобой. — Мама жила в отрицании моих разногласий с братом. Для нее мы все еще оставались маленькими мальчиками, которые вместе строили крепости. — Ваш отец соскучился по вам.

Я стиснул зубы, чтобы удержаться от ответа на это набившее оскомину замечание. Какой смысл напоминать ей, что если отец скучает по сыновьям, то ему некого винить, кроме самого себя?

Она задала еще несколько осторожных вопросов о папиной квартире. На этот раз я не стеснялся в выражениях:

— Это настоящая помойка, где и крысы-то не стали бы жить.

Мама рассмеялась, чего мне и хотелось.

— Значит, мне лучше не говорить, что я только что видела оленя на заднем дворе?

— Можешь повторить? Я не расслышал тебя, тут этажом ниже какая-то наркоманская разборка. — Донесся смешок, не мамин, и я шагнул на звук к краю балкона.

— Мне вас очень не хватает, — сказала мама и добавила, уже еле слышно: — В доме так тихо.

— Да, я тоже по тебе скучаю. — Я несколько отвлекся, когда перегнулся через разделительную стенку, чтобы заглянуть на соседский балкон.

Там сидела миниатюрная девушка, с виду моя ровесница, смуглая, с каштановой косой до пояса, перекинутой через плечо. Она медленно водила громоздкой камерой, снимая пару голубей, примостившихся на перилах перед ней.

— Мам, перезвоню. — Я нажал отбой. — Эй, — сказал я, дожидаясь, пока девушка повернет камеру ко мне, и еще дольше ожидая, пока она ее опустит. — Ты могла бы сказать что-нибудь или, не знаю, спрятаться.

— Извини, — коротко ответила она, не поясняя.

Она развалилась на складном стуле, свесив ноги набок, и ярко-красный огонек сигареты освещал ее свободную руку. Мне было холодно в толстовке, так что она, должно быть, и вовсе околела в джинсах и черной футболке с принтом SAVE FERRIS¹, но виду не показывала.

— Ты, наверное, Джолин. — Либо я угадал, либо она незаконно проникла на балкон Шелли.

Она улыбнулась:

— Я предпочитаю «Сучье отродье».

¹ Американская ска-панк-группа. Название группы (в переводе «Спасите Ферриса») взято из фильма «Выходной день Ферриса Бьюллера» (1986).